

© 2019 г. С. Ф. БЛУМЕНАУ

РАЗДУМЬЯ НАД КНИГОЙ А. В. ГОРДОНА ОБ ИСТОРИКАХ «ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА»

Блуменау Семён Фёдорович — доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права Брянского государственного университета им. И. Г. Петровского (Брянск, Россия).

E-mail: blumenausf@mail.ru

Аннотация. В 2018 г. вышел новый труд А. В. Гордона, представляющий собой серию творческих портретов отечественных историков. Книга побуждает к раздумьям о значении научной литературы советской поры, о роли и вкладе отдельных авторов, о специфических трудностях, с которыми им приходилось сталкиваться, об их связях со «старой научной школой», о современном знании Французской революции. Заслугой А. В. Гордона явилось не только отображение драматических условий научного труда советских исследователей, но и их нередко трагической жизни. Несмотря на это им удалось внести реальный вклад в мировую историографию Французской революции. Речь идет прежде всего об исследованиях А. В. Адо, В. М. Далина, Я. М. Захера, А. З. Манфреда, Е. В. Тарле. Одновременно автор статьи вступает в полемику с А. В. Гордоном, когда тот в силу симпатий к своим героям завышает их исследовательский потенциал, проходит мимо ошибок и просчетов, неверных оценок, проистекавших от приверженности вульгарному марксизму. Автор статьи размышляет о ситуации в отечественной историографии постсоветского периода. Он подчеркивает, что с поражением марксистско-ленинского «канона», увязывавшего движение истории в основном с революциями, интерес к последним ослабел. Но в XXI в. корпорация специалистов по Великой французской революции пополнилось новым поколением исследователей. Возможности зарубежных научных командировок резко расширились, а с ними — и доступ к необходимым архивам. Поэтому на будущее исследований о Французской революции в нашей стране можно смотреть с надеждой и оптимизмом.

Ключевые слова: советская историография, Французская революция, советская идеология, А. В. Адо, А. В. Гордон, В. М. Далин, Я. М. Захер, А. З. Манфред, Е. В. Тарле.

S. F. Blumenau

Reflections on the book by A. V. Gordon on the historians of the «Iron Age»

Semen Blumenau, Faculty of History, Ivan Petrovsky Bryansk State University (Bryansk, Russia).

E-mail: blumenausf@mail.ru

Abstract. In 2018, a new book by A. V. Gordon was published. It is a series of creative portraits of the Soviet historians. This vivid and interesting book written on the basis of various sources provokes thoughts on the significance of the scholarly literature of the Soviet period, on the role and input of particular authors, on specific difficulties which they had to face, on their connection with “the old school of thought”, on the contemporary knowledge

of the French Revolution. To his credit, A. V. Gordon displayed not only the dramatic conditions of research work of the Soviet historians, but also their often their tragic life. Despite this they managed to make a significant contribution to the world historiography of the French Revolution. This primarily entails the studies by A. V. Ado, V. M. Dalin, A. Z. Manfred, Ye. V. Tarle, Y. M. Zacher. At the same time, the author of the article enters into a polemic with A. V. Gordon when the latter, out of sympathy for his heroes, exaggerates their creative potential, overlooks their mistakes, faults and misjudgments, which originated with their commitment to vulgar Marxism. The author reflects on the situation in the Russian historiography of the post-Soviet period. He emphasizes that with the defeat of the Marxist-Leninist canon, which mainly linked the progress in history with revolutions, the interest in the latter has decreased. But in the 21st century the corporation of historians specializing in the French Revolution has been reinforced by a new generation of researchers. The opportunities to go on international academic trips have improved considerably. So has the access to the necessary archives. That is why we can be optimistic about the future of the research of the French Revolution in our country.

Keywords: soviet historiography, French revolution, soviet ideology, A. V. Gordon, A. V. Ado, V. M. Dalin, A. Z. Manfred, Ye. V. Tarle, Y. M. Zacher.

Вышедшая в 2018 г. книга доктора исторических наук, заведующего сектором ИНИОН РАН Александра Владимировича Гордона «Историки железного века» — уже третья его монография о советской историографии Великой французской революции.

В первых двух, появившихся в 2005¹ и 2009 гг.,² данная тема рассматривались сквозь призму «советского марксизма», которому ученые должны были строго следовать. Этот «канон» видоизменялся на протяжении семи десятилетий, а давление на исследователей то усиливалось, то ослабевало. Их объединяли не только принадлежность к «историческому цеху» и интерес к проблематике Французской революции, но и подчинение «культуре партийности». Поначалу «канон» сводился к формационной теории, исключительной роли классовой борьбы и революций в истории, к основополагающему месту пролетариата. Постепенно формулы классического марксизма обрастали положениями ленинско-сталинской вульгаты о руководящей роли партии и вождей, об искусстве управления революционным и постреволюционным государством, о необходимости террора. Высказывания Ленина и Сталина становились аксиомами, не подлежавшими критике и обязательными к использованию. Именно они делались главными доказательствами, несопоставимыми с теми, что проистекали из анализа источников и научной литературы. Но это не была улица с односторонним движением. Сами историки советской эпохи интериоризировали положения «канона», следили за «строительством» своих рядов, наказывали «еретиков».

В новой книге А. В. Гордона размышления о мировоззренческой стороне советской историографии по-прежнему занимают большое место. Но этот исследовательский пласт соседствует и взаимодействует здесь с другими. Вместе с ним рассматривается и собственно движение исторической науки: обращение исследователей революции к новым источникам, приращение знаний о ней, своеобразные концепции, не сводимые к истинам вульгаризованного марксизма.

Вероятно, самый важный аспект труда об историках «железного века» — творческие портреты десяти ученых: их жизненного пути, социальной среды, научных поисков. Ценность повествованию придают личное знакомство и общение автора с героями его книги. К особенностям работы А. В. Гордона следует отнести и то, что в ней

¹ Гордон А. В. Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов, 2005.

² Гордон А. В. Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009.

немало свидетельств в духе эго — истории. Историк опосредованно раскрывает страницы собственной жизни.

В силу размаха и радикализма в разрушении прежней государственной машины и общественной системы Французская революция рассматривалась как архетип революции вообще. Отсюда — повышенный интерес к ней в нашей стране, частые сопоставления, аналогии с Русской революцией. Это особенно характерно для революционного поколения историков-марксистов. Автор монографии дал два портрета представителей данной когорты — Г. С. Фридлянда и Я. В. Старосельского. Он использовал архив РАН, воспоминания друзей, свидетельства родственников, материалы уголовных дел, труды историков и отклики на них.

Под пером А. В. Гордона Фридлянд предстает симпатичным и необычайно работоспособным человеком, сочетавшим научную работу с партийной. Он оказался прекрасным организатором науки, вошел в Международный Комитет исторических наук, а в 1934—1936 гг. стал деканом исторического факультета МГУ. В свое время будущий ученый получил хорошее, пусть и незаконченное высшее образование, читал лекции, написал учебник по истории Западной Европы 1789—1914 гг. и издал хрестоматию по истории революционного движения в Западной Европе. Пользуясь относительной свободой в рамках ленинизма второй половины 20-х годов, Фридлянд высказывал «еретические» идеи о сути социально-экономической борьбы во Франции на излете якобинского периода. По его мнению, речь шла о конфронтации мелкобуржуазной и экономически ретроградной программы якобинцев и объективно прогрессивной капиталистической позиции термидорианцев.

Наиболее значимым исследовательским трудом Фридлянда стала его книга о Марате. Она была выполнена на солидной источниковой базе, включавшей архивные материалы, изученные им во время научной командировки во Францию. Но марксистско-модернизаторская концептуализация восторжествовала над анализом источников. Политические категории XX в., связанные с движением большевиков к власти, абсолютизация значения гражданской войны и вооруженного восстания навязывались эпохе конца XVIII в. Об этом справедливо пишет А. В. Гордон, характеризуя монографию Фридлянда (с. 46). Последний обнаруживал схожее видение, пусть и в неразвитой форме, во Французской революции. Это, по его мнению, «маратизм» — идеология «плебейской революции», предшественницы пролетарской. В марксовой «триаде» о восхождении французской революции к коммунизму он заменил «Социальный кружок» на Марата, «бешеных» — на Сен-Жюста, сохранив в неприкосновенности лишь последнюю ступень — Бабефа. Ни представления Фридлянда о «маратизме», ни его схема генезиса коммунистической идеи во Французской революции не получили поддержки в научной литературе.

А. В. Гордон проникается вполне понятными симпатиями к своему герою — революционеру-романтику и большому труженику науки, к нескольким поколениям его замечательных потомков. Он пишет о заинтересованном диалоге Фридлянда с представителями «старой школы», в частности, с Тарле. Но был ли это разговор на равных? Историки-марксисты ощущали свое мнимое превосходство, им как будто открылась методологическая истина, ставившая их намного выше «буржуазных» историков. Показательно, что Фридлянд выражал уверенность в скором торжестве Комакадемии над Академией наук³.

Второй персонаж книги — Я. В. Старосельский. То была художественная натура — он увлекался живописью, оперой, театром. Он учился праву в Ростовском университете, но не закончил курса. В молодости активно занимался революционной работой: служил в ревтрибунале, был ростовским прокурором, комиссаром дивизии.

³ Гордон А. В. Власть и революция..., с. 63.

Наконец определился и перешел в науку, в секцию теории права и государства Ком-академии. Его воззрения на юстицию вызывают отторжение. Старосельский пренебрегал абсолютной ценностью человеческой личности. Он ставил во главу угла идею классово целесообразности. Это касалось и революционного террора. Образцом его применения Старосельский считал действия ВЧК в Советской России. Революционный трибунал якобинцев явно не «дотягивал» до «эталона», часто обнаруживал «нецелесообразность». Но и тогда «классово-диктаторские методы» торжествовали над «формально-демократическими целями». Показательно, что даже часть отечественных юристов в 20-х годах называли подобный подход «чекизацией права» (с. 73, 75).

Два главных труда Старосельского — опубликованная монография «Проблема якобинской диктатуры» и неопубликованная — «Борьба за народоправство в буржуазной демократии» интересны тем, что посвящены прежде всего народным основам революционной власти. Акцент, особенно в последней, делался на политической самоорганизации масс на низовом уровне, на формировании секций и коммун. Ученый охарактеризовал различные аспекты прямого народоправства в революции. Но осветить указанные вопросы практически невозможно без материалов французских архивов. В 50—60-х годах эта лакуна будет заполнена усилиями близких к марксизму западных историков — учеников Ж. Лефевра. Историко-культурная сторона проблематики, которую Старосельский связывал с идеями Руссо, подверглась рассмотрению «снизу» М. Вовелем и другими французскими авторами⁴.

Что же касается политических взглядов юриста и историка, то можно согласиться с его биографом относительно их известной эволюции. Неоконченная книга Старосельского, вероятно, отражала общественные настроения части коммунистов, тяготевших к внутрипартийной демократии и укреплению «связи с массами путем возрождения значения местных советов, самостоятельности профсоюзов, инициативности комсомола». Возможно, отсюда — его предполагаемая близость к Союзу марксистов-ленинцев М. Н. Рютина, за которую он поплатился двумя тюремными сроками, а в конце концов и жизнью (с. 78—79, 88—89).

В другом все же хотелось бы поспорить с А. В. Гордоном. Представляется, что он несколько преувеличивает место Я. В. Старосельского в ранней советской историографии, называя последнего наряду с Н. М. Лукиным, Г. С. Фридляндом и Я. М. Захером одним из ее лидеров. Таковым с большим основанием можно было бы считать С. М. Моносова — декана историко-философского факультета МГУ, потом директора МИФЛИ, глубокого знатока якобинского периода.

Исключительно удачен очерк о Я. М. Захере. Облик своего учителя автор воссоздал на основе богатого материала: части рукописного наследия, переписки с зарубежными и отечественными историками, предписаний издательств. Путь этой яркой личности в науку отличался от избранного Г. С. Фридляндом и Я. В. Старосельским. Будущий ученый получил прекрасное образование: окончил Тенишевское училище, юридический факультет университета, а потом и историко-филологический. Как и многие молодые люди того поколения, он разделял марксистские идеи, но вышел из *école russe*, являлся прямым учеником Н. И. Кареева, был близок к Е. В. Тарле. Это наложило отпечаток на стиль работы. Захер использовал разнообразную источниковую базу, часто привлекал архивные материалы, тщательно анализировал документы.

Поражает работоспособность историка в 20-х — начале 30-х годов. Автор писал во многих жанрах: создавал учебные пособия и хрестоматии, биографии революционных вождей, труд о французской революции и церкви, другие работы. Особое значение

⁴ См. например: *Vovelle M. La mentalité révolutionnaire: Société et mentalités sous la Révolution française*. Paris, 1985; *Bianchi S. La révolution culturelle de l'an II: Élités et peuple (1789—1799)*. Paris, 1982.

приобрела проблематика «бешеных». Поначалу последние представляли у него в виде силы, тормозившей развитие капитализма. Позднее народные низы и их лидеры характеризовались как радикальные «корчеватели» феодализма. Наконец, Захер увидел в «бешеных» представителей предпролетариата, деятелей, находившихся на пути, ведущим к социализму.

Спокойное развитие научной карьеры прервала очередная идеологическая кампания. В ходе одной из «проработок» академика Тарле Захер проявил к нему, по мнению партийных органов, недопустимое мягкосердечие. Результатом стало исключение из партии и изгнание Захера из университета. Он преподавал в других высших учебных заведениях, но творческая активность заметно снизилась. В 1938 г. его арестовали по обвинению в меньшевизме и осудили на 10 лет, а потом еще на 8. Ученый был освобожден только в 1953 г., а восстановлен в качестве профессора ЛГУ по настоянию ряда крупных историков лишь в 1956 г. Ему оставалось меньше семи лет жизни и творчества.

Нельзя без сочувствия и горечи читать о борьбе ученого с издательскими чиновниками за выход в свет «Движения бешеных». Но можно порадоваться за большую популярность его творчества у историков с левыми взглядами на Западе: у А. Собоуля, Дж. Рюде, Р. Кобба и других. Такое внимание к недавно покинувшему сталинские застенки исследователю, не занимавшему никаких административных постов, объяснялось прежде всего интересом к его работам 20-х — начала 30-х годов, затрагивавшим городское народное движение, о котором как раз и писали вышеупомянутые авторы. Показательно, что именно в переписке с Захером представители историографии, называвшейся у нас прогрессивной, ставили научные, творческие проблемы, тогда как в эпистолярном общении с Манфредом и Поршневым речь шла преимущественно об официальных контактах и различно рода делах, не касавшихся исследовательской практики. Об этом свидетельствуют и письма Собоуля Захеру, Поршневу, Манфреду⁵.

Много интересного узнают особенно молодые читатели о Б. Ф. Поршневе — выдающемся ученом и очень сложном человеке. А. В. Гордон подчеркивает главное: способность своего героя создавать впечатляющие научные конструкции, справедливо назвав его «системосозидателем». Исследователь тяготился, как верно замечает автор, границами и рогатками, установленными условиями профессии. Он задавался, в частности, вопросом: а мыслима ли вообще история одной отдельно взятой страны? Поршневу активно размышлял о воздействии на нее соседей, всей геополитической ситуации. Автор напоминает о его монографии «Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в.». В книге «Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства» переосмыслено место нашей страны в истории континента в указанный период. Ученый смело выходил за рамки нового времени и медиэвистики, размышляя о древности. Он охватывал всю историю человечества: с первых его шагов не только до современности, но и заглядывая в будущее.

Выдающийся обществовед работал в русле междисциплинарности еще до появления у нас этого понятия. Он плодотворно соединял историю с политэкономией. Ученый пользовался заслуженным авторитетом у именитых философов и защитил докторскую диссертацию и по этой науке. Еще во время учебы в университете он занимался не только историей и психологией на факультете общественных наук, но и биологией на соответствующем факультете. Поршневу опубликовал монографию «Социальная психология и история». Особый интерес вызывает его исследование «О начале человеческой истории», вышедшее, увы, лишь после смерти Бориса Федоровича.

⁵ См. *Poghosyan V. La correspondance d'Albert Soboul avec les historiens soviétiques. Saarbrücken, 2017.*

Характеризуя творчество Поршнева, автор, конечно, останавливается на изучении им народных движений во Франции XVII в. Именно труд по этой теме принес ученому мировую известность. Отталкиваясь от своего капитального исследования, Поршневу представил классовую борьбу «универсальным носителем энергии исторического процесса» (с. 175) и инициировал острую полемику в нашей науке на рубеже 40–50-х годов XX в. В этом давнем споре А. В. Гордон принимает его сторону, оценивая происходившее как столкновения творческого воображения и смелых обобщений с фактографией (с. 185). При всем уважении к Б. Ф. Поршневу и преклонении перед его талантами полагаю, что дело обстоит все же не так. Позиция Е. В. Гутновой и современных историографов Т. Н. и С. В. Кондратьевых выглядит более убедительной. Методологический монизм Поршнева вел к отбрасыванию тех факторов, тем и сюжетов, которые все-таки допускались советским историописанием даже при Сталине⁶. Страсть ученого к не всегда оправданным обобщениям порой в ущерб конкретно-историческим данным сказывалась на его исследованиях французского XVII столетия. Известный специалист по народному движению того времени И.-М. Берсе недавно писал: «Выбранный Поршневым способ изложения материала — обобщения, глобализация, схематизация событий — уводит его от поведенческих реалий XVII в. и от обусловленных ими взаимоотношений в обществе»⁷.

Вне жизнь Бориса Федоровича выглядела вполне благополучной. Его нередко выпускали за границу, он пользовался авторитетом и признанием на родине и за рубежом. В течение 10 лет Поршневу возглавлял сектор новой истории западноевропейских стран в Институте истории. Но и ему приходилось терпеть нападки, поношения, опасные политические обвинения. Он был вынужден по примеру многих каяться и признавать ошибки — действительные и мнимые. Выдающийся ученый уже в иные, не столь беспощадные времена был буквально раздавлен провалом на академических выборах и особенно уничтожением в издательстве главного труда его жизни — уже упоминавшейся книги «О начале человеческой истории» (с. 210, 212).

Исключительно интересной представляется та глава работы А. В. Гордона, в которой повествуется о двух блистательных попытках советских историков осветить фигуру Наполеона. Первым это сделал Е. В. Тарле в 1936 г., получив заказ от самого Сталина или с его ведома. А. В. Гордон мастерски отображает всю гамму чувств и намерений, коими руководствовался кремлевский диктатор. При переходе в 1934 г. к систематическому изучению гражданской истории в школах СССР он осознавал необходимость ее наполнения фактами и личностями, прежде всего выдающимися. Сталин и просто по-человечески интересовался французским императором, возможно, жаждал негласного сопоставления себя с Наполеоном. Наконец, идеологически советское руководство двигалось от революционности к имперской державности и находилось в это время где-то на полпути. Отсюда — еще одна причина востребованности книги Е. В. Тарле.

Но уже в ходе работы историка над биографией Наполеона у Сталина возник мотив для критической оценки императора. Стало известно, что Троцкий связывал Бонапарта с революцией. Отсюда — драматические перипетии с книгой Е. В. Тарле. Идеологическая кампания против троцкизма, оживившаяся при переходе от стабилизации к Большому террору, заставила Сталина не просто отмежеваться от Наполеона, а однозначно представить его душителем революции. Конечно, основными мишенями

⁶ Гутнова Е. В. Пережитое. М., 2001, с. 266–267; Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н. Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е — начало 50-х годов XX века). Тюмень, 2003, с. 203, 239).

⁷ Берсе И.-М. Размышления о том, как пишется история. — Французский ежегодник. 2007. М., 2008, с. 35.

кремлевского диктатора были Л. Д. Троцкий и К. Б. Радек — редактор книги Тарле. Но непосредственный удар пришелся по последнему. То был интригующий мини-детектив, захватывающе изложенный А. В. Гордоном. В один день 10 июня 1937 г. в «Правде» и «Известиях» появились разгромные рецензии на работу Тарле. Рецензент, взявший псевдоним «Константинов», обвинил ученого в том, что он-де сделал Наполеона душеприказчиком истории по делам революции, своеобразным объединителем, отражавшим интересы всех слоев и классов. Вслед за этим тезисом, безапелляционно высказанным в «Известиях», некто Кутузов «обиделся» на историка за якобы принижение роли русского народа в Отечественной войне 1812 г. Впрочем, его больше волновали выразители «народного духа» — вожди да полководцы, в том числе коронованные.

Но на следующий день обе газеты выступили с опровержениями. Суть их состояла в следующем: Тарле — не марксист, и потому работа содержит определенные ошибки, но из немарксистских произведений о Наполеоне она — лучшая и ближе всего к истине. Чем объяснить такой стремительный поворот? А. В. Гордон справедливо расценивает это как классическую сталинскую двухходовку (устрашение — прошение) (с. 230). Сталина в новой обстановке вполне устраивали Тарле и подобные ему ученые старой формации. Они понадобились вождю для перестройки исторического образования и историописания. На них он рассчитывал в деле утверждения государственно-державной идеологии, отодвинувшей на второй план революционный дискурс. Кремлевский диктатор стремился, однако, держать этих исследователей, в том числе Тарле, «на коротком поводке», заставляя «совершенствовать» свою интерпретацию в нужном ему направлении.

И эффект от сталинского маневра не замедлил сказаться. В следующих изданиях «Наполеона» автор учел требования и «Константинова», и «Кутузова». В державно-патриотическом духе он «выправил» образ полководца М. И. Кутузова и характеристику Бородинского сражения, срочно опубликовал новую монографию «Нашествие Наполеона на Россию». А воссоздавая облик самого императора, подчеркнул его военный гений, «умалая государственно-устроительную роль» (с. 243). Как замечает А. В. Гордон, тема «Наполеон и Революция» уступает место и значение теме «Наполеон и Война». Да и в первом случае акцент делался на «экспорте» преобразований в завоеванные страны, тогда как сюжет «Наполеон — великий законодатель» оставался лишь заявленным. По мнению автора, Тарле находился здесь в русле отечественной традиции, содержание которой озвучил другой представитель старой школы — академик Р. Ю. Виппер. Последний говорил о роли русского народа как носителя «военного могущества», русской власти как верховного военного командования, а правителя как «военного вождя» (с. 247).

Конечно, «Наполеон» Тарле вызвал большой интерес у читателей, но к лучшим работам автора его отнести трудно. Самые значимые исследования ученого выполнены все же до революции. Это прежде всего фундаментальный труд «Рабочий класс во Франции в эпоху революции». То было оригинальное пионерское изыскание с интересными идеями. Сомневаюсь, что «Наполеон», пусть и очень популярный, мог оказать сильное влияние на умы советских людей. Скорее, склонность наших соотечественников к авторитаризму и их интерес к военной истории усиливали желание Тарле изобразить французского императора именно таким.

В том же очерке историограф сравнивает с книгой Тарле — другую, появившуюся через 35 лет, — «Наполеон Бонапарт» А. З. Манфреда. Тарле акцентировал внимание на Наполеоне — прирожденном властелине, императоре, Манфред же рисовал более сложную картину эволюции взглядов и поведения Бонапарта. В молодости это человек, увлекавшийся идеями Просвещения, романтик и революционер. В дальнейшем, столкнувшись в термидорианскую эпоху с миром своекорыстия и политического цинизма, он постепенно изжил в себе романтическое начало и встал на путь достижения личной диктатуры.

Совершенно прав А. В. Гордон, когда относит Манфреда, в отличие от Тарле, к иной историографической традиции, к более ранней — революционно-классовой, воскрешенной в творчестве части историков после XX съезда и проникнутой пафосом десталинизации. Поэтому у нового автора наполеоновской биографии герой побеждал, олицетворяя устремления революционной буржуазии, но и терпел неудачи вместе с тем же классом, ставшим эгоистичным, своекорыстным. Следование классовым и иным догмам советского марксизма подводило ученого к странной мысли о возможном варианте прогрессивной политики Наполеона после Аустерлица. По словам Манфреда, император мог бы «провозгласить освобождение венгров, чехов, словаков... привлечь австрийскую буржуазию, поднять на борьбу буржуазию и народ германских земель... Аустерлиц мог бы стать началом могущественной, неодолимой антифеодальной и национально-освободительной революции в Центральной Европе» (с. 266–267).

Будучи вице-президентом, а потом и президентом Общества «СССР — Франция», А. З. Манфред выступал горячим сторонником сближения двух государств и находил в этом поддержку у официальных инстанций нашей страны. Такая позиция сказалась и на творчестве ученого, в частности, на труде о Наполеоне. Последний характеризовался как убежденный поборник франко-русского союза, и эта идея представлена в книге как своеобразное политическое завещание императора (с. 270–271). Деликатный ученик избегает лобовой критики спорных и неудачных положений мэтра, ограничиваясь объяснением их происхождения.

Вместе с тем, как справедливо передает А. В. Гордон, социально-психологические характеристики Манфреда поражают глубиной. Автор «Наполеона» считал, что императора победили не столько на поле боя, сколько в обычной жизни. Постепенно вчерашний революционер стал пленником обычаев, норм и поведения, свойственных представителям старых легитимных монархий Европы. Показательно, что здесь мысль Манфреда удивительным образом сходится с представлением знатока «героев» Т. Карлейля. Еще одна важная особенность подхода Альберта Захаровича, подчеркнутая автором. Стремясь уйти от видения Наполеона-деспота, от характеристик Тарле, сконцентрировавшегося сугубо на военной и политической деятельности героя и несколько обеднившего его эмоциональный мир, Манфред представил личность Бонапарта более объемно и многосторонне. Это позволило ему раскрыть такие темы, опущенные его предшественником, как «Наполеон и Восток», «Наполеон и ученые», «Наполеон и женщины». В последнем случае основное внимание уделено любви к Жозефине — умной и блистательной женщине, сталкивавшейся с враждебностью клана Бонапартов. Рассказано и о романе с Марией Велевской. Но о Марии Луизе историк почти не писал⁸.

Особое достижение автора — своеобразное проникновение в творческие мастерские Тарле и Манфреда, подчеркивание присущего им «художнического восприятия былого». Выразительно характеризует двух историков-писателей, автор монографии и сам предстает перед читательской аудиторией как человек, обладающий несомненным даром художника. И хотя историографический материал не без основания считается сухим, А. В. Гордону удается показать своих героев не только в науке, но и в повседневной жизни.

Очерк о крупнейшем в СССР знатоке бабуизма автор назвал «Встречи с Далиным». Он во многом опирается на личные впечатления, а также на материалы близко знавших этого историка людей: его ученика В. А. Погосына и младшую коллегу С. В. Оболенскую. Результатом стал искренний, идущий от сердца рассказ о замечательных качествах историка с тяжелой, но одновременно и счастливой судьбой. Сам А. В. Гордон и другие известные франковеды подчеркивают одержимость Далина

⁸ О ней см. подробно: *Герре Ф.* Мария-Луиза. Ее судьба звалась Наполеон. М., 1998.

поиском новых документов, отмечают особенность его творчества, заключавшуюся в движении от «архивных находок» к «постановке более широкой, значительной проблемы» (с. 303). Того же он ожидал и от других. Автор книги получил в разное время две рецензии от Виктора Моисеевича — на свой реферат при поступлении в аспирантуру и на диссертацию, поскольку Далин выступал ее оппонентом. В обоих случаях рецензент писал о широте источниковой базы, о работе с научной литературой, о самостоятельности мышления соискателя, о новизне исследования и обязательно о спорных положениях, к которым подходил со всей принципиальностью, несмотря на самое благожелательное отношение к диссертанту.

В очерке о В. М. Далине (и не только) А. В. Гордон рассказывает о «якобинском» симпозиуме в Институте всеобщей истории в 1970 г. Он был организован из-за «атаки» В. Г. Ревуненкова на каноническую интерпретацию политики революционного правительства в 1793–1794 гг. Отталкиваясь от ленинских оценок, Н. М. Лукин в 1934 г. рассматривал якобинскую диктатуру как власть мелкой буржуазии, поддержанной плебейскими массами города и деревни. Его ученик А. З. Манфред расширил социальную составляющую революционной диктатуры, считая ее блоком средних и низших слоев буржуазии, всего крестьянства и городского плебейства. Получалось, «что якобинцы были партией французского народа»⁹.

Идеализация якобинской власти, поставленная под вопросом в исследованиях народного движения близкими к марксизму зарубежными историками, нараставший в советском обществе в послесталинскую эпоху критицизм в отношении террора подтолкнули заведующего кафедрой новой и новейшей истории ЛГУ В. Г. Ревуненкова к решительному наступлению на прежнее видение диктатуры II года Республики. Но его работы носили не исследовательский, а методологический характер. Историк не был самостоятелен, следуя фактам и идеям, почерпнутым из фундаментального труда А. Собоуля, подчеркивавшего остроту противоречий между санкюлотами и якобинцами, секциями и революционным правительством. При этом Ревуненков упрощал и схематизировал конструкцию французского автора. Ленинградский ученый противопоставлял две диктатуры: якобинскую — буржуазную и плебейскую, связанную с Парижской Коммуной и секциями столицы. Отсюда родилась даже концепция двоевластия. Ревуненков преувеличивал автономию санкюлотских структур. В действительности народные институты были во многом встроены в систему якобинской диктатуры, а обладавшие наибольшим влиянием в секциях их революционные комитеты подчинялись Комитету общественного спасения. Показательно, что сам Собоуль назвал версию Ревуненкова «слишком абстрактной»¹⁰.

Интерпретация якобинского периода Манфредом и его толкование Ревуненковым далеко не соответствовали историческому материалу. Их споры носили схоластический характер, а взгляды сторон подкреплялись цитатами классиков марксизма. Сам автор монографии занял принципиальную позицию, не желая идеализировать власть якобинцев при всей симпатии к своим учителям А. З. Манфреду и В. М. Далину. Обидно, как заметил С. Е. Летчфорд, что время и силы многих незаурядных исследователей затрачивались впустую¹¹.

Между тем в западной историографии Французской революции в рассматриваемый период разворачивалась творческая активность «ревизионистского» направления. На новом уровне поднимались важнейшие научные проблемы: была ли революция неизбежной? каким оказалось влияние ее итогов на социально-экономическое

⁹ Манфред А. З. О природе якобинской власти. — Вопросы истории, 1969, № 5, с. 99.

¹⁰ Гордон А. В. Великая Французская революция..., с. 287.

¹¹ Летчфорд С. Е. В. Г. Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре. — Французский ежегодник. 2002. М., 2002, с. 222.

развитие страны в дальнейшем? какова была роль французских социальных верхов — дворян и богатых буржуа в революционных процессах конца XVIII в.? Поставленные вопросы могли бы дать толчок для конкретно-исследовательской практики и в нашей стране. Но партийное руководство ориентировало отечественных историков на другое: критику выдвинутых идей и положений сквозь призму марксистской методологии и с позиций социализма.

Если отповедь адептам «ревизионистского» направления сделалась дежурной в трудах советских авторов, то критика историка ирландцем Р. Коббом казалась неожиданной. Ведь он принадлежал к «школе Лефевра» вместе с А. Собоулем, Дж. Рюде, К. Тенессоном. А ее представители были либо членами компартий Запада, либо придерживались схожего с ними мировоззрения. Их труды удостаивались у нас весьма позитивных оценок, а главное, они квалифицировались как прогрессивные ученые в отличие от многих других, называвшихся в СССР буржуазными авторами. До поры до времени положительно характеризовался и Кобб. Ведь он изучал революционные устремления активистов народного движения, занимался деятельностью санкюлотов в «революционных армиях». Но позднее, когда Кобб переключился на анализ действовавших в народной среде контрреволюционных и криминогенных меньшинств, а затем на рассмотрение повседневной жизни обычных людей, вступавших не в классовые конфликты, а ведших в тяжелых условиях того времени борьбу за существование, то оценки отечественными историками его работ стали резко негативными.

Поднимая эту сложную тему, автор реабилитирует британского ученого. Он убедительно настаивает на том, что идейно-политические позиции последнего не изменились. Возник интерес к истории повседневности, произошел поворот от узко понимаемой социальной истории к исторической антропологии. Но эта эволюция научного подхода Кобба была воспринята советскими историками как политическое предательство (с. 299–300, 400–402).

В повествовании о двух историках из провинции — одессите В. С. Алексееве-Попове и доценте Ульяновского пединститута С. Л. Сытине — автор ставит непростую проблему взаимоотношений центра и периферии в науке. Москва, в меньшей степени Ленинград имели ряд преимуществ, касавшихся приема в аспирантуру, издания работ, поездок за рубеж, проведения конференций, да и обыкновенного общения с коллегами, пишущими по родственной или близкой тематике. В провинции же выпуск материалов конференции нередко превращался в «хождение по мукам». Так, В. С. Алексееву-Попову пришлось «пробивать» выход сборника во многих инстанциях, добывать для него бумагу и даже отыскивать в другом городе латинский шрифт для французских резюме статей. Вся эта эпопея, занявшая четыре года и сильно подорвавшая здоровье одесского исследователя, впечатляюще описана А. В. Гордоном. Еще сложнее было написать на периферии диссертацию или солидную монографию по истории французской революции. И то, и другое требовало обращения к зарубежным архивам. Такая возможность открывалась немногим, как правило, столичным ученым. А. В. Гордон прав: недоступность французских архивов обрекала советских историков на малопродуктивные дебаты об оценках и переоценках материала, пушенного в научный оборот иностранными авторами.

Особый интерес представляет очерк автора об А. В. Адо и его школе¹². Речь идет об одном из достижений советской исторической науки о Французской революции — труде выдающегося отечественного исследователя о крестьянстве в революционном процессе. А. В. Адо соединил в нем свой талант ученого-концептуалиста с тщательным и масштабным конкретно-историческим изысканием. Он решительно порывал

¹² Жизненный путь ученого проследил Д. Ю. Бовыкин: *Бовыкин Д. Ю.* Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов, 2007.

с традиционной «классической концепцией», изображавшей крестьян блокировавшимися с революционной буржуазией и действовавшими под ее руководством, но допускавшими в силу отсталости и грубости определенные эксцессы. У исследователя, по справедливому мнению А. В. Гордона, революционное крестьянство — класс переходного общества с внутренним многообразием и нарождающимися антагонизмами буржуазного способа производства, но сохранивший в условиях конца XVIII в. свою докапиталистическую целостность, находившую выражение в его единстве как движущей силе революции (с. 392).

Конечно, кроме «войны против замков» велись и «войны за землю и хлеб», в которых часть крестьян выступала с антикапиталистическими требованиями, ставившими под сомнение буржуазный принцип частной собственности. Именно это и заставляло Ж. Лефевра говорить о двойственности крестьянской революции. Со своей стороны, и А. В. Гордон размышляет о некоторых «шероховатостях» концепции ее сугубо антифеодального характера. Сам А. В. Адо отталкивался от ленинских идей о разных вариантах решения аграрного вопроса в буржуазных революциях и соответствовавших им путях развития капитализма в сельском хозяйстве.

А. В. Гордон подчеркивает, что под влиянием труда нашего исследователя французские марксисты, пересмотрев прежние оценки «реакционности» части крестьянских устремлений, поставили вопрос о необходимости корректировки «классического» истолкования Революции. В этой связи возникло понятие «буржуазно-крестьянской» революции. А затем, имея в виду сохранение крестьянства как социальной общности и длительного преобладания крестьянского хозяйства в экономике страны в XIX–XX вв., предложили версию особого «французского» пути развития капитализма (с. 396).

Среди авторов, оказавших влияние на крестьянскую историю Французской революции А. В. Адо, историограф называет П. А. Кропоткина. Выдающийся советский ученый отмечал благотворность итогов революции для крестьян и страны. Его выводы вполне созвучны соображениям отечественного мыслителя и революционера: «Крестьянин наедался досыта в первый раз за последние несколько сот лет». Но закрепилось ли такое положение надолго? Уже через два десятка лет после революции значительная часть крестьян «превратилась в чисто номинальных собственников»¹³. Приходится признать, что и в среднесрочной, и в длительной перспективах результаты революции в деревне вовсе не были столь радужными, как то выглядело в ходе таковой и сразу по ее окончании¹⁴.

Характеризуя взгляды А. В. Адо и его учеников, автор особое внимание уделяет состоявшемуся в ИВИ РАН в 1988 г. «круглому столу», посвященному актуальным проблемам французской революции¹⁵. Здесь в соответствии с духом перестройки наметились отход от советского марксизма, движение к новому. В частности, Е. О. Обичкина, занимавшаяся в ту пору французской деревней XVIII в., поставила вопрос об особой крестьянской линии борьбы в революции. Она доказывала социально-психологическую общность антифеодальных и антиреволюционных выступлений.

Наиболее решительно порывала с традиционным видением другая ученица А. В. Адо — Л. А. Пименова, сделавшая шаги в этом направлении уже в монографии о французском дворянстве¹⁶. А. В. Гордон обобщил: «Отметив революционизирование

¹³ История Франции, т. 2. Под ред. А. З. Манфреда. М., 1973, с. 187.

¹⁴ Об этом см. Чудинов А. В. Французская революция: история и мифы. М., 2007, с. 126–127.

¹⁵ См. о нем: Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции (материалы «круглого стола» 19–20 сентября 1988 г.; Чудинов А. В. История Французской революции: Пути познания. М., 2017, гл. 6.

¹⁶ Пименова Л. А. Дворянство накануне Великой французской революции. М., 1986.

значительных групп дворянства в конце Старого порядка и политико-мобилизующую роль дворянской оппозиции королевской власти, автор оспорила “классическую” схему глубокой реакционности и изначальной контрреволюционности этого сословия» (с. 403). Она, по сути, отказалась от формационного подхода, предложив пользоваться не понятием «феодальный строй», а более адекватным и многозначным термином «Старый порядок». Исследовательница выделила: конец биолого-демографического Старого порядка в XVIII в., свержение государственно-правового Старого порядка в ходе французской революции, уничтожение социально-экономического Старого порядка в ходе начавшейся в XIX в. промышленной революции (с. 411).

«Круглый стол» 1988 г., казалось, придаст новый импульс развитию отечественной историографии революции. Последующие события в нашей стране закрепили завоевание творческой свободы. Свобода передвижения и активизация научных обменов снимали проблему использования зарубежных архивов. Значительную лепту в расширяющиеся возможности исследований вносит Интернет. Но с поражением марксистско-ленинского «канона», увязывавшего движение истории с революциями, интерес к последним ослабел¹⁷. Стали делать акцент не на конструктивных сдвигах, вызванных ими, а на их разрушительном характере. Отсюда — перенос внимания на сравнительно мирные периоды истории, что негативно сказалось на отношении к французской революции в обществе и среди историков.

Разорвалась и длительная, постоянно подпитывавшаяся отечественной исторической мыслью связь между французской революцией конца XVIII в. и русской начала XX в. Возникло если не понимание, то ощущение того, что и по содержанию, и по своей драматургии оба движения во многом отличались друг от друга. В конце концов, и ментальность двух народов, проживающих в разных частях европейского континента, и их политическое поведение весьма несхожи. Все это могло усилить сугубо научную составляющую будущих работ, но в краткосрочной перспективе способствовало падению интереса к теме. Немногие из исследователей революции остались верны избранному пути, а молодежь не «рвалась» заниматься пусть и академической, но, казалось, «избитой» тематикой.

Впрочем, назвать современную ситуацию совсем уж удручающей нельзя. Среди историков, вошедших в «корпорацию» в постсоветское время, последние ученики А. В. Адо — А. В. Тырсенко и Д. Ю. Бовыкин, другие авторы: Е. М. Мягкова, В. Ю. Сергиенко, М. Ю. Чепурина, В. Ю. Салимон и совсем молодые исследователи. В сплочении историков Революции и Империи большую роль играет руководство возобновившего свою деятельность «Французского ежегодника» — его главный редактор Александр Викторович Чудинов и заместитель Дмитрий Юрьевич Бовыкин. Замечательный армянский ученый Варужан Арамаздович Погосян немало делает для популяризации российских научных трудов во Франции. В этом свете будущее исследований Французской революции в России не видится безнадежным.

Библиография

- Берсе И.-М.* Размышления о том, как пишется история. — Французский ежегодник. 2007. М., 2008, с. 29–35.
- Бовыкин Д. Ю.* Анатолий Васильевич Адо: образ и память. Саратов, 2007.
- Герре Ф.* Мария-Луиза. Ее судьба звалась Наполеон. М., 1998.
- Гордон А. В.* Великая Французская революция в советской историографии. М., 2009.
- Гордон А. В.* Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов, 2005.

¹⁷ *Таньшина Н. П.* К 150-летию изучения Французской революции в России: от Герье до «новой русской школы». — Новая и новейшая история, 2018, № 6, с. 128.

- Гордон А. В.* Историки железного века М. — СПб., 2018.
- Гутнова Е. В.* Пережитое. М., 2001.
- История Франции, т. 2. Отв. ред. А. З. Манфред. М., 1973.
- Кондратьев С. В., Кондратьева Т. Н.* Наука «убеждать», или Споры советских историков о французском абсолютизме и классовой борьбе (20-е — начало 50-х годов XX века). Тюмень, 2003.
- Летчфорд С. Е. В. Г.* Ревуненков против «московской школы»: дискуссия о якобинской диктатуре. — Французский ежегодник. 2002. М., 2002, с. 207–222.
- Манфред А. З.* О природе якобинской власти. — Вопросы истории, 1969, № 5, с. 92–107.
- Пименова Л. А.* Дворянство накануне Великой французской революции М., 1986.
- Таньшина Н. П.* К 150-летию изучения Французской революции в России: от Герье до «новой русской школы». — Новая и новейшая история, 2018, № 6, с. 118–136.
- Чудинов А. В.* Французская революция: история и мифы. М., 2007.
- Чудинов А. В.* История Французской революции: пути познания. М., 2017.
- Bianchi S.* La révolution culturelle de l'an II: Élités et peuple: 1789–1799. Paris, 1982.
- Poghosyan V.* La correspondance d'Albert Soboul avec les historiens soviétiques. Saarbrücken, 2017.
- Vovelle M.* La mentalité révolutionnaire: Société et mentalités sous la Révolution française. Paris, 1985.

References

- Berse I.-M.* Considering how the history is written. — French Annual. 2007. Moscow, 2008, p. 9–35. (In Russ.)
- Bianchi S.* La révolution culturelle de l'an II: Élités et peuple: 1789–1799. Paris, 1982.
- Bovykin D. Y.* Anatoly Vasilyevich Ado: Image and Memory. Saratov, 2007. (In Russ.)
- Gordon A. V.* Historians of the Iron Age. Moscow — Saint-Petersburg, 2018. (In Russ.)
- Gordon A. V.* Authority and Revolution: the Soviet Historiography of the Great French Revolution. 1918–1941. Saratov, 2005. (In Russ.)
- Gordon A. V.* The Great French Revolution in the Soviet Historiography. Moscow, 2009. (In Russ.)
- Gutnova E. V.* Experiences. M., 2001. (In Russ.)
- Herre F.* Marie Louise. Her destiny's name was Napoleon. Moscow, 1998. (In Russ.)
- The History of France, v. 2. Ed. by A. Z. Manfred. Moscow, 1973. (In Russ.)
- Kondrat'ev S. V., Kondrat'eva T. N.* The science of “persuasion” or disputes of the Soviet historians over the French absolutism and the class struggle (the 1920s — early 1950s). Tyumen, 2003. (In Russ.)
- Letchford S. Y. V. G.* Revunenkov against the “Moscow school”: discussion about the Jacobin dictatorship. — French Annual. 2002. Moscow, 2002, p. 207–222. (In Russ.)
- Manfred A. Z.* On the nature of the Jacobin rule. — Questions of History, 1969, № 5, p. 92–107. (In Russ.)
- Pimenova L. A.* Nobility on the eve of the Great French Revolution. Moscow, 1986. (In Russ.)
- Poghosyan V.* La correspondance d'Albert Soboul avec les historiens soviétiques. Saarbrücken, 2017.
- Tan'shina N. P.* Commemorating the 150th Anniversary of Studying the French Revolution in Russia: from Guerrier to the «New Russ. School». — Modern and Current History, 2018, № 6, p. 118–136. (In Russ.)
- Chudinov A. V.* The French Revolutions: history and myths. Moscow, 2007. (In Russ.)
- Chudinov A. V.* The History of the French Revolution: Ways of Knowing. Moscow, 2017. (In Russ.)
- Vovelle M.* La mentalité révolutionnaire: Société et mentalités sous la Révolution française. Paris, 1985.